

ПЕРВЫЙ КЛАСС. МАРГАРИТА И ДЯДЬКА ПИРАТ

Поиграть с «открученной» головой не удалось — в зале появилась тетя Лохмотька. Маргарита юркнула в шкаф для одежды, но дверцу за собой прикрыть не успела.

— Кто трогал манекен? — гневно заговорила тетя Лохмотька. — Сколько раз говорить: учебные головы не предназначены для игр! Они слишком дорогие. Дубровина, Катя, где ты там? Это ты опять привела с собой ребенка? Тут салон красоты, между прочим, а не детский сад!

Голос у нее был громкий и резкий, лицо — жутко раскрашенное. А на голове — целая копна волос, от чего голова казалась огромной и пушистой, как дворовая кошка Пуська. Она тоже так раздувалась и становилась похожей на меховой шар, когда к ней подбегала овчарка с первого этажа.

«Настоящая Баба-яга, — подумала Маргарита, из своего убежища глядя на сердитую мамину начальницу. — У нее, наверно, нюх на детей. Она их за пять километров чувствует. Ловит, а потом ест по ночам».

— Вот ты где, красота ненаглядная! — обрадовалась тетя Лохмотька, вытягивая Маргариту из шкафа. — Давно не виделись! Что ты опять здесь делаешь?

— Маму жду, — буркнула Маргарита, вырываясь. — Пусти!
— Иди домой и жди. Мама отработает смену и придет.
— Не пойду. Я хочу здесь, с мамой.
— Поглядите на нее! Хочет она! — возмутилась тетя Лохмотька. — А если все мои мастера будут своих детей с собой приводить? Что здесь начнется?

— Извините, Анжела Робертовна, — виновато заговорила мама, прибежав из другого зала с ножницами в руках. — Я ей говорила не приходите. Маргарита, мы же с тобой договорились.

— Не договорились, — сказала Маргарита. — Я не пойду домой.

— Маргарита! — застонала мама.

— Избаловала ты ее вконец, Катерина, — покачала головой мамина начальница. — Ей только шесть лет, а она тебе уже на голову села.

— Мне семь, между прочим. — Маргарита показала ей язык.

— Вот-вот, ей семь, между прочим, — сказала тетя Лохмотька маме. — Как она у тебя осенью в школу пойдет — не представляю.

— Не пойду я ни в какую школу! — крикнула Маргарита и громко хлопнула дверью.

Маргарите уже давно исполнилось семь лет, в середине ноября. Мама собиралась отдать ее в школу в прошлом году, когда до семи оставалось всего два месяца. Но не смогла. Маргарита не захотела. Мама подумала-подумала и махнула рукой.

Сказала: «Ладно, посиди еще годик, время есть». Маргарита надеялась, что и в этом году будет то же самое. Мама поугуговаривает-поугуговаривает и бросит. Но в этом году она почему-то никак не отставала. То есть отставала на время, а потом снова заводила разговор. Идут они, например, мимо трехэтажного большого здания, а мама и говорит:

— А вот это твоя школа, Маргаритка. Здесь ты будешь учиться.

Или читает мама ей сказку на ночь, бросает на самом интересном месте и болтает по телефону целых полчаса. Маргарита ходит вокруг нее и дергает ее за руку, а мама отвечает:

— Вот пойдешь в школу, научишься читать, и не надо будет меня ждать. Возьмешь и прочитаешь сама.

Маргарита не могла понять: чего она все никак не успокоится? Ведь ее всегда было очень легко уломать. Вот хотела мама отвести Маргариту в музыкальную школу — и не отвела. Ничего у нее не получилось. Хотела на фигурное катание отдать — и это не вышло. Да и в детский сад Маргарита наотрез отказалась ходить. Она по несколько часов рыдала в раздевалке, вцепившись в дверную ручку. Мама не выдержала и через неделю сдалась. И стала оставлять Маргариту с бабушкой своей подруги, учительницей на пенсии.

Бабушка подруги очень быстро отказалась от Маргариты, сказала, что она с ней не справляется. Потом были еще две няни по объявлению, которые тоже не могли с ней сладить. Маме ничего не оставалось, как брать Маргариту с собой на работу. Но тогда мама работала в другом салоне, и начальница там была другая. Не такая противная, как эта тетяка

Лохмотька. И она не запрещала сидеть в кресле перед зеркалом и брать накидки, ножницы и расчески. Правда, и «открученных» голов там не было, так что ругаться было не из-за чего.

В общем, в школу Маргарита абсолютно не собиралась. Только не могла придумать, как бы попонятней объяснить это маме. А тут вдруг мама сообщила, что им надо идти на примерку.

— На какую примерку? — насторожилась Маргарита.

— Тебе будут шить форму, — сказала мама.

— Какую форму?

— В которой ты будешь ходить в школу.

— Мама! — воскликнула Маргарита. — Мне не нужна форма. Я не буду ходить в школу. Я тебе тысячу раз говорила!

— Ну, Маргаритка, это очень хорошая школа, — заторопилась мама. — И ребята все хорошие... И учительница добрая, детишек любит.

— Откуда ты знаешь про учительницу?

— Я тебя уже к ней записала...

— Что?! — Маргарита задохнулась от негодования. — Мама, ну кто тебя просил?

Мама стала рассказывать, как в школе здорово, как ребятам весело и интересно там учиться. Но Маргарита ничего не хотела слушать. Она плакала и кричала, заткнув уши пальцами:

— Не пойду, не пойду, не пойду!..

Потом плакала мама и глотала желтые таблетки, чтобы успокоиться. А потом они обнимались и целовались, и Маргарита горячо шептала маме на ушко:

— Мамочка, не отдавай меня в школу. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

— Но почему, Маргаритка? Там много детей.

— Я не хочу к детям. Они все злые и противные. Мне там будет плохо.

— Ну с чего ты это взяла? Может, тебе понравится в школе?

— Не понравится. Мне только с тобой нравится.

После долгих уговоров, скандалов и дорогих подарков Маргарита согласилась сходить на школьный праздник Первое сентября. И то только потому, что мама пообещала, что все время будет рядом.

Утром мама повязала Маргарите два огромных белых банта, помогла надеть рюкзак на спину и дала в руки цветы и воздушный шарик. И они отправились в школу. В подъезде им повстречался сосед снизу, дядя Марат. Или дядька Пират, как звала его Маргарита. Конечно, когда он не слышал. У него была густая борода, прищуренный глаз из-за шрама на щеке, и от его рабочей куртки всегда пахло бензином.

— Ой, первоклашка шагает! А нарядная какая! — весело сказал дядя Марат, подмигивая прищуренным глазом. — Учиться идешь?

— И вовсе не учиться, — буркнула Маргарита. — Я только на праздник.

— Как это так? А завтра в школу не пойдешь, что ли?

— Нет.

— Почему?

— Потому! Не хочу, и все!

Маргарита взяла маму за руку и потянула за собой. Дядя Марат удивленно посмотрел им вслед.

Во дворе школы собралось очень много народу. Даже больше, чем на День города в парке. Никогда в жизни Маргарита

не видела столько людей в одном месте. И столько цветов, и столько воздушных шариков.

— Почему их так много? — спросила она у мамы.

— Кого?

— Детей. Смотри, сколько их. И все в одинаковой одежде.

Откуда они взялись?

— Как — откуда? Они все учатся в этой школе.

— Все? — поразилась Маргарита. — Такая толпа в одной школе? Представляю, какой у них там шум и бардак.

— Никакого бардака нет. Все дети поделены на классы. В каждом классе свой учитель. Он и следит за порядком.

— А меня тоже?

— Что — тоже?

— Тоже поделили?

— Да, ты идешь в первый «А». Твою учительницу зовут Анна Андреевна. Запомнила? Пойдем искать твой класс.

Маргарита попыталась представить себе школу, поделенную на классы. У нее получилась глубокая яма, разделенная перегородками на большие квадраты. В каждом квадрате сидит множество детей. Все кричат и прыгают, карабкаются по стенкам и пытаются выбраться наверх. А возле квадрата стоит учительница и грозно щелкает кнутом, как дрессировщик в цирке.

— Мама, не надо в класс! — испугалась Маргарита. — Я не хочу к этой учительнице!

Она так разволновалась, что даже выпустила воздушный шарик. Все дети в школьном дворе задрали головы и смотрели, как он улетает все выше и выше. Шарик поднимался над

деревьями, над фонарными столбами, над школьной крышей и становился все меньше. А потом еще долго краснел маленькой точкой в голубом небе.

Учительница Анна Андреевна оказалась невысокой худенькой старушкой с острым носом и маленькими глазками. Маргарита мысленно пририсовала к ее голове шляпку и сразу поняла, что она — вылитая Шапокляк из мультика. А все девочки с огромными бантами на головах были похожи на ушастых чебурашек.

Анна Андреевна построила свой класс на маленьком пятачке возле забора. Маргаритин нос упирался в чей-то фиолетовый рюкзак. Щеку щекотала обертка букета. За спиной толкались и возились одноклассники. Маргарита с трудом обернулась и нашла глазами маму. Мама улыбнулась ей и кивнула. Маргарита хотела дотянуться до нее, но не смогла поднять руку. Так и стояла, плотно зажатая со всех сторон, и ничего не видела. Только слышала. Громкие голоса эхом разносились по школьному двору. Взрослый голос, потом детские голоса, потом снова взрослые. Маргарита даже не прислушивалась к тому, что эти голоса говорили. Ей было не до них. Солнце слепило глаза, спина чесалась под шелковой блузкой и плотной жилеткой, кожа на голове болела от туго завязанных бантов. Маргарита ждала, когда этот ужас закончится и они с мамой пойдут домой.

Прошла целая вечность, пока Маргарита услышала слова:
— Наша школьная линейка подошла к концу. А теперь приглашаем первоклассников в школу, на первый праздничный урок!

Мальчики и девочки с рюкзаками побрели гуськом за Анной Андреевной. Следом шли родители. Маргарита пропустила вперед всех детей, дождалась маму и наконец схватила ее за руку.

Никакой ямы и никаких клеток в школе не оказалось. Там были длинные коридоры и большие комнаты со столами и стульями. Эти комнаты назывались кабинетами. Анна Андреевна так и сказала:

— Это наш кабинет, запомните его. Сюда вы будете приходить каждое утро.

Маргарита ужаснулась. Каждое утро! Терпеть весь этот кошмар! Ну уж нет, с нее хватит и одного дня. Больше она здесь не появится.

Она так и сказала маме, когда они шли домой.

— Как? Тебе не понравился праздник? — удивилась мама. — Это же Первое сентября! Твой первый школьный день.

Маргарита внимательно посмотрела на нее: она что, издевается? Как это могло понравиться?

— Мама, я в школу ходить не буду, — твердо заявила Маргарита. — И давай закроем эту тему.

Она по телевизору такое слышала, в мамином сериале. «Давай закроем тему». Эти слова казались Маргарите очень вескими. И окончательными. После них уже точно мама должна была понять, что Маргарита настроена серьезно.

Но мама почему-то не поняла. И на следующее утро вновь стала ее будить.

— Куда мы? На работу? — спросила сонная Маргарита.

— В школу, — сказала мама.

Маргарита тут же устроила бурный скандал с криками, слезами и разбрасыванием по комнате ручек, карандашей и тетрадок.

В школу она все же пошла. Для этого маме пришлось потратить пять минут на уговоры, десять минут на упрашивания, пятнадцать минут на разговоры о школе и приличную сумму денег в магазине игрушек.

На первом уроке учительница Анна Андреевна рассказывала о школьных правилах. О том, что урок начинается и заканчивается со звонком. Что надо вставать, когда учитель входит в класс. Что урок длится целых сорок минут и в это время нельзя разговаривать, вертеться и шуметь. Даже вставать и то нельзя. Можно только сидеть и слушать.

Эти правила Маргарите не понравились. И Анна Андреевна тоже не понравилась. У нее был громкий голос, от которого звенело в ушах, и очень строгое лицо, будто она сердилась на всех сразу. А еще она оглушительно хлопала в ладоши, чтобы добиться тишины, и Маргарита каждый раз подпрыгивала на своем стуле от неожиданности. А еще Анна Андреевна почему-то всех звала по фамилиям. Обращаясь к Маргарите, она называла ее Дубровина. Это было непривычно и ужасно резало слух. Маргариту никто никогда не звал по фамилии вместо имени, и теперь ей казалось, что учительница специально издевается над ней.

Потом Анна Андреевна стала всех пересаживать. И посадила Маргариту возле двери. А ей хотелось остаться у окна. В окно смотреть было намного приятнее, чем слушать учительницу.

— Я не буду там сидеть, — сказала Маргарита, взяла рюкзак и пошла обратно к окну.

— Дубровина! — воскликнула Анна Андреевна. — Ну-ка быстро вернись на свое место.

— Не хочу!

— Дубровина, ты будешь сидеть там, где я сказала. Вернись!

— Не вернусь. Мне там не нравится.

— Может быть, ты хочешь, чтобы я отвела тебя туда за ухо?

Маргарита замолчала и задумалась. Нет, этого она совершенно не хотела. Ее никто никогда не таскал за ухо, но она подозревала, что это довольно неприятно и обидно. Она взглянула исподлобья на сердитую учительницу и нехотя повиновалась.

На перемене первоклассники сидели в классе и слушали, как надо себя вести на перемене. На втором уроке писали в тетрадях прямые палочки и палочки с наклоном. А потом Маргарите надоело учиться. Она сложила свои тетрадки и ручки в рюкзак и ушла. Ее никто не видел — после второго урока Анна Андреевна повела первый «А» в столовую.

Маргарита отправилась на работу к маме. Она не знала дорогу от школы до салона красоты, поэтому пошла сначала домой, а уже от дома — до салона. Конечно, это было не так быстро, как напрямик, зато не заблудишься.

В холле Маргарита сразу наткнулась на тетьку Лохмотьку.

— А, школьница пожаловала, — сказала она недобрым голосом. — Чего тебе здесь надо?

— Я к маме.

— Нет тут твоей мамы. Иди домой.

Маргарита попыталась пройти мимо нее в зал. Но мамина начальница преградила путь — встала в проходе, руки в боки.

— Куда собралась? Нечего тебе там делать.

— Пусти меня к маме! Ма-ма!

— Ты русский язык понимаешь? Нет мамы. Не пришла еще. У нее смена в два часа.

— Ты врешь!

— Чего?! Ах ты, козявка! — совсем рассвирепела тетя Лохмотька. Она схватила Маргариту за рюкзак и выволокла на крыльцо. — Вот когда тебя в школе научат, как себя вести и как со взрослыми разговаривать, тогда и придешь! — рывкнула она.

— Я все маме расскажу! — обиженно крикнула Маргарита. — Что ты меня не пускаешь!

Тут к салону подлетела запыхавшаяся мама и кинулась обнимать Маргариту.

— Нашлась! Нашлась! Боже мой! Нашлась! — всхлипывая, повторяла она. И крепко-крепко прижимала к себе Маргариту.

— Мам, ты чего? Мам?

Маргарита удивленно высвобождалась из маминых объятий.

— Я чуть с ума не сошла... Мне из школы позвонили: ваша дочь пропала... — говорила мама и целовала Маргариту куда попало: в щеки, в нос, в глаза.

— Мам! Да куда я не пропала, — сказала Маргарита, вытираясь ладошкой от маминых поцелуев. — Я просто к тебе пошла.

— Ремня ей надо дать хорошего, а не целовать! — сердито сказала мамина начальница и скрылась за дверью салона.

Мама наконец успокоилась и отпустила Маргариту.

— Почему ты ушла?

— Мне стало скучно. И я захотела к тебе.

— Ты даже никому не сказала, что уходишь! Знаешь, как Анна Андреевна испугалась?

— А чего ей пугаться? У нее еще полным-полно детей осталось.

— Маргаритка, послушай! Из школы нельзя уходить просто так, когда тебе захочется.

— Почему?

— Как — почему? Это же школа. И ты в ней ученица.

— Ну и что?

— В школе есть правила. Учительница — главная. Надо делать то, что она говорит.

— А если я не хочу?

— Все равно надо.

— А если она мне не нравится?

— Ну и что? Ее надо слушаться.

— Почему?

— Потому что так положено в школе. Поняла?

Маргарита замолчала. Она поняла. Школа — это место, где все должны делать то, что не хочется, и слушаться того, кто не нравится. Только не поняла зачем.

На следующий день Анна Андреевна отругала Маргариту перед всем классом за вчерашний поступок. Назвала ее безобразницей и нарушительницей дисциплины. Маргарита обиделась и снова ушла. На этот раз домой. Поэтому мама не искала ее по улицам и не глотала желтые таблетки от нервов.

За первую неделю учебы Маргарита ушла с уроков три раза. Она уходила бы и чаще, да только не получилось. Учительница очень зорко за ней следила на переменах, а в столовую вела за руку.

В понедельник Анна Андреевна объявила родителям:

— Теперь приходите за детьми в одиннадцать тридцать. У нас добавился четвертый урок. Сегодня это музыка. А завтра — рисование. Нужно будет принести альбомы и цветные карандаши.

После третьего урока Маргарита взяла рюкзак и пошла к двери.

— Дубровина, куда это ты собралась? — окликнула ее Анна Андреевна. — У вас еще один урок. Сейчас придет учитель музыки, и вы будете петь.

— Я не хочу петь, — сказала Маргарита и вышла из класса.

Учительница догнала ее в коридоре.

— Дубровина! Тебя никто не отпускал. Музыка — точно такой же важный урок, как чтение и письмо. Так что будь любезна, вернись в класс и пой вместе со всеми.

— Но ведь петь надо, когда хочется, — сказала Маргарита. — А мне сейчас совсем не хочется. Настроения нет.

— Настроения у нее нет! — возмутилась Анна Андреевна. — А завтра ты рисовать не захочешь? А послезавтра — лепить?

— Я еще не знаю, — честно сказала Маргарита. — Про завтра я только завтра узнаю.

— У нас есть четкое расписание. В понедельник вы поете, во вторник рисуете, в среду занимаетесь физкультурой...

— Как же можно петь и рисовать по расписанию?

— Ох, Дубровина, я с тобой с ума сойду!

Анна Андреевна силой оттащила Маргариту в класс. А после четвертого урока сказала маме, которая пришла ее забирать:

— Вот что, Екатерина Игоревна. Я не могу постоянно следить за вашей дочерью. Я вам не надсмотрщик. У меня таких

тридцать человек. Вот сидите здесь и караульте ее. А не можете, тогда забирайте и учите дома сами.

Маргарита очень обрадовалась. Вот здорово, если мама будет учить ее сама! Из мамы получится очень хорошая учительница, она никогда не кричит и не ругается, не то что эта сердитая Анна Андреевна.

Но мама сказала, что каждый человек обязательно должен ходить в школу. И лучше она сядет за парту вместе с Маргаритой, чем даст ей загубить свое будущее. Маргарита не поняла, что это значит. А мама и в самом деле села за парту в первом «А». Правда, не рядом с Маргаритой, а на заднюю парту среднего ряда. Но Маргарита все равно была на седьмом небе от счастья. Она несколько раз за урок украдкой оглядывалась назад и радостно вздыхала. Сейчас, когда мама была рядом, ей не хотелось никуда убегать. И было настроение и петь, и рисовать. И даже писать ненавистные палочки с наклоном и раскладывать карточки с цифрами.

Так прошли целых две недели. Это было прекрасное время. Утром мама с Маргаритой шли в школу, учились там четыре урока, а потом вместе отправлялись на работу. Маргариту никто больше не выгонял, и она могла играть с головами-манекенами сколько хотела. Тетька Лохмотька отдыхала где-то в жарких странах, а Маргарита отдыхала от нее. И все были довольны.

А в воскресенье к вечеру случилась беда. У мамы заболел живот. Так сильно заболел, что пришлось вызвать скорую помощь.

— В больницу! — скомандовала громкая круглолицая докторша, похожая на Ньюшу из «Смешариков». — Собирайтесь.

— Я не могу в больницу, — слабо запротестовала мама. — Дайте мне таблеточку...

— Какую таблеточку?! — гаркнула докторша. — Вам на операционный стол надо, срочно!

Маргарита схватилась за маму и заплакала. От этих слов веяло холодом и ужасом. Мама обняла ее, морщась от боли:

— Но как же... У меня дочка... Оставить не с кем.

— Вот если думаете о дочке, быстро собирайтесь. Не то поздно будет.

Маргарита крепче вцепилась в маму и зарыдала в голос. Ее с трудом оторвали и увели на кухню. Докторша сидела с ней там, пока мама собиралась.

— Ничего страшного, детка. Маму немного полечат в больнице и отпустят, — говорила она, но Маргарита ей не верила. Ей казалось, что маму забирают навсегда. — Есть у вас родственники или знакомые? Давай им позвоним. Они придут и посидят с тобой.

Маргарита хрипло выла и мотала головой. Ей никто не был нужен, кроме мамы.

Мама так плохо себя чувствовала, что едва могла идти по лестнице. Докторша поддерживала ее под руку.

— Маргаритка... позвони тете Юле... или тете Маше... — задыхаясь, шептала мама. — Там, в моем телефоне... С моего телефона позвони...

— Нет! Нет! Нет! — кричала Маргарита на весь подъезд. — Мама, я с тобой!

Во дворе они столкнулись с дядей Маратом. Разобравшись, в чем дело, он подхватил на руки визжащую Маргариту.

— Все будет хорошо, соседка, — сказал он. — Мы сейчас же всем позвоним. Я твою дочку не оставляю, передам из рук в руки. Езжай и ни о чем не беспокойся. Главное, выздоравливай.